

В серии «Высокое чтение» издательства «Время» вышла книга прозы нашего обозревателя «Скрэбл»

ЭТОТ БОССАРТ

В своей «Теории прозы» Виктор Шкловский привел пример главенства художественных законов над здравым смыслом и причинно-следственными отношениями.

В финском эпосе «Калевала» есть такой формообразующий элемент: вторая строка строфы повторяет первую, но не буквально, а посредством синонимов. Ну что-то вроде:

*Буря мглою небо кроет,
Боссарт гонит нам пургу...*

А у числительных, как известно, синонимов нет. Поэтому в «Калевале» совершенно закономерно (с точки зрения художественной, а не формально-логической) появилось такое двустишие:

*На шестую ночь она скончалась,
На седьмую умерла...*

Так вот, если судить прозу Аллы Боссарт по тем художественным законам, которые она сама для себя приняла — по законам жанра «босс-арт», — приговор получится оправдательным. С поставленными — и разными в разных разделах книги («Повести Зайцева», «Новый русский бестиарий», рассказы и «Гипсовые крылья») — художественными задачами она справилась, проявив прекрасное чувство языка, наблюдательность, изобретательность и остроумие.

Алла Боссарт

Проза первых трех разделов книги Боссарт карнавальная, хотя и психологическая тоже, наверняка постмодернистская — об этом свидетельствует обилие и прозрачных, и скрытых, скорее даже композиционных, цитат. Причем читается все это легко, на одном дыхании.

Но, пожалуй, если бы в книге были только рассказы (по самому, на мой взгляд, сильному из них «Скрэбл» она и названа), «Повести Зайцева» и «Бестиарий», она бы не поднялась выше уровня современной «продвинутой» прозы. А что про эту прозу — за редчайшими исключениями — можно сказать?..

Много лет назад Юрий Тынянов написал, что психологическая повесть стала бульварным жанром. Боюсь, то же самое сейчас произошло и с многочисленными постмаркесовскими попытками магического реализма...

Но, на счастье, есть в книге Боссарт документальная повесть «Гипсовые крылья». Вот она-то и поднимает «Скрэбл» над игрой в бисер. Хорошо мне знакомый человек — отец Владимир Вигилянский, ушедший в священники из журналистов, — интереснее (и зримее «прописан»), чем выдуманный — принявший духовный сан психиатр Марлен из рассказа «Город на букву М». А реальный сосед-алкоголик, сочувствующий несчастью автора, сам вызы-

*Вначале было Слово,
потом — игра
в слова, скрэбл*

вает больше сочувствия, чем «типизированный» — повесившийся обитатель котельной и тоже, натурально, алкоголик Володя Лескин из рассказа «Скрэбл». Понятно, что задачи разные и интонация соответственно разная, и все же, все же...

«Гипсовые крылья» несколько лет назад из номера в номер печатались в «Новой газете». Но оттого, что несколько лет прошли и теперь эта документальная повесть под книжной (и надо сказать, очень симпатичной) обложкой, она ничего не потеряла. Ни острота переживания не стала менее острой, ни испытание людей на способность к состраданию (и вообще человечности) не стало менее захватывающим.

Может быть, сейчас время документальной прозы. Литературное освоение происходящего с нами нуждается не столько в типизации, обобщениях и необходимых для них масках, сколько в эмпатии, вчувствовании, мгновенном осознании непретворенной реальности — претрагается она уже этим осознанием.

И еще одно. Как научные открытия происходят зачастую на стыках разных наук, так художественные, возможно, — на стыках разных жанров. И вдруг окажется, что журналистика и литература вовсе не такие антагонисты? А художественные законы, которые автор признает для себя обязательными, могут включать в себя и документальную точность...

● Олег ХЛЕБНИКОВ

P.S. На днях в «Петровиче» состоялась презентация книги Боссарт на пару с «Избранным» ее супруга поэта Игоря Иртеньева. Вел вечер остроумный Вадим Жук, сравнивший эту парочку с Гиппиус и Мережковским. Выступали Юрий Рост, Александр Кабаков, Михаил Мишин. Все дружно хвалили фразу Никиты Михалкова, поставленную на заднюю обложку «Скрэбл»: «Вечно этот Боссарт напишет какую-нибудь ерунду». А потом пели Елена Камбурова и Любовь Полищук. Все происходящее совсем не походило на скучный литературный вечер. А литература присутствовала — не только благодаря прочитанному Иртеньевым стихам, но и произнесенному Боссарт рассказу.